

Изложивъ свое мнѣніе по данному вопросу, мы надѣемся услышать болѣе авторитетные отзывы господъ специалистовъ. Въ случаѣ пріемлемости предлагаемаго нами способа рытья каналовъ, слѣдовало бы поспѣшить, съ выпиской паровыхъ плуговъ и примѣнить ихъ въ предстоящей саранчевой кампаніи.

Паровые плуги, помимо работъ по опаживанію залежей саранчевыхъ кубышекъ, могли-бы также съ большой пользою быть утилизированы и для канализационныхъ работъ. Такъ, пройдя имъ нужное число разъ по намѣченному мѣсту для проведенія оросительнаго канала, взрыхленную, такимъ образомъ, землю, легко уже было-бы выбрасывать изъ канала на берегъ. Мы допускаемъ даже мысль, что послѣ первой вспашки возможно произвести, если только позволяетъ грунтъ, вторую и третью вспашку и т. д. и прорыть такимъ образомъ каналъ до требуемой глубины. При примѣненіи подобнаго способа стоимость рытья оросительныхъ каналовъ несомнѣнно значительно понизилась бы.

Словомъ, затронутый нами вопросъ считаемъ для Туркестанскаго края интереснымъ и полезнымъ. Желательно было-бы освѣтить его по возможности всесторонне.

М. Никулинъ.

Къ 25-лѣтію 1 Ташкентскаго русско-туземнаго училища*).

Заботы о первоначальномъ образованіи инородцевъ, населяющихъ нашъ край, занимали представителей высшей власти въ краѣ съ самаго занятія его и присоединенія его къ русскому владычеству.

Самыя первыя основанія къ устройству образованія въ краѣ были положены первымъ Туркестанскимъ Генералъ-Губернаторомъ К. П. фонъ-Кауфманомъ. Онъ за время своего управленія краемъ всегда интересовался дѣломъ инородческаго образованія, обращалъ на него особенное вниманіе, прилагалъ всевозможныя усилія и дѣлалъ разныя попытки для того, чтобы образованіе инородцевъ поставить на основательномъ фундаментѣ. Для правильной организаціи и постановки этого дѣла были учреждены должности инспекторовъ инородческихъ училищъ въ краѣ, на которыя назначались люди, знакомые съ тюркскими нарѣчіями; эта попытка въ устройствѣ инородческаго образованія, благодаря косности и малому сознанію туземцевъ въ полезности для нихъ школъ и знанія русскаго языка не дала желательныхъ послѣдствій: не имѣлось ни одного инородческаго училища, которое хоть сколько-нибудь имѣло бы культурно-образовательное значеніе. Всю же массу инородческихъ училищъ въ краѣ составляли медресе и мактабы, строй жизни въ которыхъ

*) 1 Ташкентское русско-туземное училище сегодня празднуетъ свой 25-лѣтній юбилей.

установился издавна, за много лѣтъ до пришествія въ край русскихъ и кромѣ нихъ почти не было ни одного инородческаго училища другого типа.

Въ шестидесятихъ годахъ въ фортахъ Казалинскомъ и Перовскомъ на особыхъ положеніяхъ были открыты киргизскія школы, въ которыхъ дѣти обучались чтенію и письму на киргизскомъ и русскомъ языкахъ, четыремъ правиламъ ариѳметики и прямымъ и обратнымъ переводамъ.

При осмотрѣ этихъ школъ Генералъ-Губернаторъ нашелъ ихъ неудовлетворяющими своему назначенію и указалъ, что для упроченія образованія онъ полагаетъ необходимымъ воспитывать въ будущемъ дѣтей русскихъ и туземцевъ вмѣстѣ, совершенно не вмѣшиваясь въ религіозную жизнь туземцевъ, воспитывать всѣхъ на такихъ основахъ, при помощи которыхъ можно было-бы туземцевъ одинаково съ русскими сдѣлать полезными гражданами земли русской, давъ имъ возможность пользоваться выгодами общаго образованія.

Для достиженія своихъ цѣлей К. П. фонъ-Кауфманъ вошелъ въ сношенія съ Н. И. Ильинскимъ, извѣстнымъ дѣятелемъ по инородческому образованію среди новокрещенскихъ татаръ Казанскаго округа, и просилъ его принять ближайшее участіе въ выработкѣ опредѣленныхъ положеній по устройству учебной части инородческаго образованія. Но всѣ попытки по устройству этого дѣла, въ виду принципиальныхъ разногласій между покойнымъ Генералъ-Губернаторомъ и Н. И. Ильинскимъ, не привели къ положительнымъ результатамъ.

Вслѣдствіе этого русско туземн. училищъ имѣющагося теперь типа до 1884

года вовсе не было, а все дѣло образованія сводилось къ тому, что незначительное количество дѣтей инородцевъ воспитывалось въ интернатахъ, открытыхъ при городскихъ училищахъ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ и самая малая часть дѣтей инородцевъ, какъ единичные случаи, посѣщали для полученія его только русскія школы, недоступныя общей массѣ. Наконецъ, въ 1884 г. желаніе перваго Генералъ-Губернатора по доставленію образованія туземцамъ стало облекаться въ реальную форму. По инициативѣ полковника С. Р. Путинцева, бывшаго въ то время начальникомъ города, было возбуждено передъ военнымъ губернаторомъ Сыръ-дарьинской области ходатайство объ открытіи приходскаго училища для дѣтей туземцевъ Старога Ташкента. Будучи близко знакомъ съ населеніемъ азиатскаго города и видя пробуждающееся сознаніе жителей о пользѣ школъ и знанія русскаго языка, онъ отлично понималъ, что потребность въ открытіи училища для дѣтей туземцевъ вполне назрѣла, и что школа будетъ только тогда жизнеспособна, когда какъ съ внѣшней, такъ и съ внутренней стороны будетъ удовлетворять взглядамъ и удобству туземцевъ. Поэтому въ своемъ докладѣ онъ говоритъ такъ: „Русская грамотность совсѣмъ не прививается между туземнымъ населеніемъ г. Ташкента и въ этомъ отношеніи можно сказать, его опередили всѣ города Туркестанскаго края; стремленіе правительства до сего времени къ желаемому результату не привели и, вѣроятно, ни къ чему не приведутъ, если русскія училища будутъ всѣ группироваться въ русскомъ городѣ. Всѣ учили-

ща въ русскомъ городѣ находятся за глазами родныхъ туземныхъ дѣтей и если между русскими высказывается неудовольствіе на дальность разстоянія на тяжесть для дѣтей, переносимую въ ненастное время, то въ этомъ отношеніи о туземцахъ, конечно, и рѣчи не можетъ быть, если будемъ имѣть въ виду какъ отдаленность азіатской части отъ русской, такъ въ особенности то состояніе улицъ, въ учебное какъ разъ время, въ которомъ онѣ находятся; затѣмъ, отдача въ русское училище въ русскомъ городѣ представляетъ для туземцевъ еще тѣ неудобства, что поступившія въ училище дѣти, будучи заняты въ таковомъ до 3 час. дня, не будутъ имѣть времени заниматься туземной грамотой и мусульманскимъ вѣроученіемъ, въ знаніяхъ которыхъ они также нуждаются. Между тѣмъ на ряду съ описанными неудобствами по отношеніи къ обученію дѣтей туземцевъ въ русской школѣ, совершенно иное представляетъ для родителей обученіе дѣтей въ своихъ туземныхъ школахъ: почти въ каждомъ махаллѣ (кварталѣ) имѣется мечеть, а при ней школа; такимъ образомъ для нихъ является полное удобство къ обученію родному языку и вѣроученію.

Цѣль правительства по обученію дѣтей туземцевъ русской грамотѣ можетъ быть достигнута, по моему мнѣнію, единственно тогда только, когда въ туземномъ городѣ въ разныхъ пунктахъ будутъ открыты приходскія училища и при томъ съ обязательнымъ обученіемъ какъ русской, такъ и туземной грамотѣ и мусульманскому вѣроученію; при этихъ только условіяхъ можно будетъ ожидать желаемыхъ результатовъ.

Военный губернаторъ Н. И. Гродековъ, вполне сочувствуя дѣлу образованія инородцевъ нашего края, направилъ это ходатайство на уваженіе Генералъ-Губернатора Розенбаха, передавшаго его на заключеніе главнаго инспектора училищъ Забѣлина. Попечительскій совѣтъ при управленіи учебными заведеніями, обсудивъ вопросъ объ открытіи въ азіатской части г. Ташкента русской школы, единогласно высказалъ свое полное согласіе съ приведенными доводами генералъ-маіора Гродекова, основанными на ходатайствѣ полковника Путинцева, и призналъ открытіе этого училища, которое должно благотворно повліять на туземцевъ и способствовать сближенію ихъ на почвѣ различныхъ сношеній съ русскимъ населеніемъ, неотложною необходимостью. При этомъ было найдено, что училище должно быть открыто по типу приходскихъ училищъ, гдѣ, на основаніи устава 8 декабря 1828 года, кромѣ Закона Божія, русскаго языка, чистописанія и первыхъ четырехъ арифметическихъ правилъ, могутъ быть преподаваемы главныя свѣдѣнія изъ исторіи и географіи. При этомъ послѣднія свѣдѣнія, которыя должны возбудить любопытство туземцевъ, заинтересовать ихъ и тѣмъ самымъ привлечь къ русской культурѣ, должны быть сообщаемы на урокахъ русскаго языка.

Такимъ образомъ былъ выбранъ типъ училища и указанъ малоопредѣленный краткій планъ занятій, котораго училище должно придерживаться какъ какъ для развитія нравственныхъ и умственныхъ, такъ и физическихъ силъ учащихся и которымъ школа должна при помощи знанія русскаго языка

вносить въ темныя массы туземнаго населенія начатки европейской культуры.

Такая постановка дѣла является весьма крупнымъ шагомъ впередъ по пути развитія инородческаго образованія, такъ какъ до того времени во всѣхъ инородческихъ училищахъ Россіи туземная грамота совершенно игнорировалась. И даже нѣкоторыми изъ мѣстныхъ дѣятелей по инородческому образованію въ томъ-же 1884 г. на сѣздѣ учителей городскихъ училищъ категорически было заявлено, что ни туземной грамоты, ни мусульманскаго вѣроученія въ инородческихъ школахъ отнюдь не должно быть допускаемо, хотя членъ этого сѣзда, какъ представитель отъ туземцевъ, Сатаръ-Ханъ заявлялъ о необходимости введенія какъ туземной грамоты такъ и вѣроученія, чтобы привлечь этимъ путемъ сородичей къ русской школѣ (см. протоколъ сѣзда за 1884 г.).

Тѣмъ не менѣе областная администрація и учебное начальство твердо выражали необходимость обученія какъ русской, такъ и туземной грамотѣ вмѣстѣ съ мусульманскимъ вѣроученіемъ.

Открывая училище для туземцевъ, представители краевой власти весьма осторожно и съ большимъ тактомъ относились ко всякимъ вопросамъ школьной жизни и обстановки; такъ, на примѣръ, классной мебели и той обстановки, которая присуща въ русскихъ школахъ, рѣшено не заводить въ виду того, чтобы этимъ не оттолкнуть туземцевъ отъ школы и такимъ образомъ не испортить дѣло образованія и сближенія ихъ съ русскими въ самомъ его зародышѣ, а поставить дѣло обученія русскому языку въ привычную для нихъ обстановку, сходную съ обстанов-

кой въ мактабахъ. Осторожность простиралась до того, что рекомендовалось избѣгать въ классѣ употребленія рисунковъ, изображающихъ людей и животныхъ такъ какъ употребленіе ихъ было необычнымъ въ мусульманскихъ мактабахъ. Съ такой же, даже еще съ большей, осторожностью отнеслись къ выбору учителя которому должно быть ввѣрено завѣдываніе училищемъ и веденіе обученія. Такая осторожность была вполне понятна, такъ какъ учитель есть душа школы, онъ ее оживляетъ и даетъ ей необходимое направленіе.

Въ этомъ отношеніи какъ учебное начальство, такъ и администрація пришли къ заключенію, что здѣсь необходимо такое лицо, которое было-бы знакомо не только съ языкомъ туземцевъ, но и съ бытомъ и жизнью ихъ и которое своимъ авторитетомъ и знаніемъ дѣла привлекало бы населеніе къ русскому образованію.

Попечительскій комитетъ взгляды на это въ своемъ постановленіи въ 1884 г. выражаетъ такъ: „Для веденія занятій долженъ быть назначенъ опытный и основательно знакомый какъ съ языкомъ, такъ съ характеромъ и жизнью сартовъ учитель, который сумѣлъ-бы, пользуясь авторитетомъ и уваженіемъ среди туземцевъ, прочно и серьезно поставить это важное дѣло въ самомъ его началѣ“. А начальникъ города полковникъ Путинцевъ въ отношеніи отъ 26 октября 1884 г., за № 13403. на имя главнаго инспектора училищъ пишетъ слѣдующее: „Успѣхъ дѣла будетъ вполне зависѣть отъ лица, которому поручится завѣдываніе училищемъ; желательно, чтобы это лицо, помимо обладанія мѣстнымъ нарѣчіемъ, было

знакомо съ жизнью населенія и духовною стороною его, чтобы для начала дѣла не испортить его совсѣмъ или сдѣлать непоправимымъ на долгое время, и тѣмъ самымъ не поселить между туземцами ложнаго взгляда на русское обученіе, что вполне возможно при малѣйшей неосторожности учителя".

23 октября 1884 г. Туркестанскій Генералъ-Губернаторъ генералъ-адъютантъ Розенбахъ, принимавшій самое горячее и дѣятельное участіе въ дѣлѣ устройства инородческаго образованія въ краѣ, утвердилъ постановленіе попечительскаго комитета, а 19 декабря того-же года на основаніи приказа отъ 13 декабря, было открыто 1 Ташкентское русско-туземное училище, примѣнительно къ уставу приходскихъ училищъ 8 декабря 1828 г. Выборъ въ первые руководители этого училища, на которое выпала скромная, но великая миссія сближенія туземцевъ съ русскими на почвѣ образованія и знанія русскаго языка и духовнаго общенія выпалъ на долю извѣстнаго знатока мѣстныхъ языковъ и быта населенія В. II. Наливкина.

Дѣтскія игры у туркменъ закаспійской области.

Какъ у всѣхъ народовъ, и у туркменъ существуютъ игры, въ которыхъ участвуютъ не только дѣти но иногда и взрослые. До семи лѣтъ мальчики играютъ вмѣстѣ съ дѣвочками. Съ раннихъ лѣтъ мальчики любятъ играть въ ашички хотя не умѣютъ еще играть. Они держатъ при себѣ нѣсколько ашичекъ и по просьбѣ сестеръ даютъ имъ

ашички. Дѣвочки, не имѣя своихъ ашичекъ просятъ обыкновенно на время у братьевъ. Тогда мальчики смотрятъ на игру дѣвочекъ, которыя, сидя на полу, поочередно бросаютъ и ловятъ четыре ашички вмѣстѣ. Это повторяется нѣсколько разъ. Послѣ того дѣвочки бросаютъ ашички на полъ и, поставивъ на одномъ мѣстѣ раздвинутые пальцы лѣвой руки, однимъ ударомъ пальца правой руки проводятъ ашички между раздвинутыми пальцами. Конечно, при этомъ однѣ дѣвочки опытнѣе другихъ и въ игрѣ приходится страдать самой неопытной: она должна положить на полъ свою руку, а другія поочередно должны бить по ея рукѣ, бросая и ловя ашички, а когда бьющая выронитъ ашички, то перестаетъ бить. То-же самое повторяютъ всѣ остальные дѣвочки, участвующія въ игрѣ. По окончаніи испытанія оставшая отъ прочихъ дѣвочекъ можетъ по своему желанію оставить игру. Увидя эту игру, маленькіе мальчики, которые большую часть времени проводятъ среди дѣвочекъ, начинаютъ подражать имъ и бросаютъ одинъ за другимъ ашички, которыя катятся въ разные стороны, а мальчики, ползая по полу, собираютъ ихъ. Эти игры доставляютъ мальчикамъ большое удовольствіе. Дѣвочки еще любятъ играть въ куклы, которыя дѣлаются ими изъ глины и изъ палочекъ. Изъ глины-же дѣвочки дѣлаютъ верблюдовъ, коровъ и барановъ; для верблюдовъ дѣлаютъ узды, сѣдла. Конечно, все это дѣлается очень неумѣло: палочку сначала об-

тягиваютъ какой-либо матеріей, а потомъ одинъ конецъ завязываютъ кучкомъ платка, а сверху надѣваютъ халатъ сшитый самими-же изъ остатка матеріи; къ груди пришиваютъ что-ни-

Къ постановкѣ народнаго образованія въ Туркестанѣ.

Нелѣпость нашего общаго школьнаго режима на глухихъ окраинахъ переходитъ всякія границы возможнаго и даже невозможнаго.

Общее стремленіе бюрократіи создать изъ школы орудіе воздѣйствія на массы въ извѣстномъ катковско-побѣдоносцевскомъ духѣ и подчинить ихъ преходящимъ вѣяніямъ внутренней политики, — на окраинахъ выражается въ особенно яркой и выпуклой формѣ обрусительныхъ тенденцій.

Эти тенденціи то усиливаются, то ослабляются въ зависимости отъ того, кто попадаетъ въ роль окраинныхъ правителей, обремененныхъ обыкновенно, въ „силу мѣстныхъ условій“, почти неограниченной властью во веѣхъ отрасляхъ управленія краемъ, а въ томъ числѣ и въ учебномъ дѣлѣ.

По какому-то странному недоразумѣнію въ народныхъ школахъ Туркестанскаго учебнаго округа мѣстный элементъ еще не выкурень окончательно: среди народныхъ учителей имѣется довольно значительный % туземцевъ, въ школахъ преподается родной для учащихся языкъ, начатки исповѣдуемаго ими вѣроученія и кое-какіе отрывки изъ мѣстной исторіи.

Не то на Кавказѣ. Учителями въ самыя глухія деревни, въ которыхъ нѣтъ ни одного человѣка, владѣющаго русской рѣчью, посылаютъ пришлыхъ русскихъ людей, совершенно незнающихъ туземнаго языка, преподаваніе котораго въ народныхъ школахъ за времена владычества Голицына окончательно упразднено, начатки вѣроученія или вовсе не преподаются, или преподаются на русскомъ языкѣ, а мѣстной исто-

ріи и географіи не знаютъ и сами учителя.

Такимъ образомъ темный Туркестанъ въ отношеніи обрусительной политики еще не дошелъ до той грани, за которую насильственно выведенъ болѣе культурный Кавказъ.

Теперь, накануне введеніе всеобщаго обученія, самый подходящий моментъ, чтобы возможно точнѣе выяснить всѣ тѣ дефекты въ постановкѣ учебнаго дѣла, которые умышленно и неумышленно насадилъ въ школахъ отживающій свой вѣкъ полицейско-бюрократическій режимъ и при

наличности которыхъ школьное дѣло никогда не выйдетъ на правильный путь.

Задача эта для окраинъ особенно настоятельна и неотложна хотя-бы потому, что именно на нихъ-то нелѣпость школьнаго режима даетъ себя чувствовать куда острѣе, чѣмъ въ центрѣ, гдѣ, какъ никакъ, имѣются земства, сорокъ лѣтъ заботившіяся о народной школѣ и упорно боровшіяся съ правительствомъ за ея самостоятельность.

Населенная инородцами окраины прежде всего выставляютъ на первый планъ вопросъ о взаимоотношеніяхъ въ школѣ между языками — государственнымъ и мѣстнымъ.

Барьируясь сообразно мѣстнымъ историческимъ и бытовымъ условіямъ, вопросъ этотъ настолько деликатенъ, сложенъ и остеръ, что рѣшать его по одному общему трафарету можетъ лишь незадумывающаяся ни надъ чѣмъ бюрократія, да, пожалуй, довольно сильно размножившійся за послѣднее время классъ политическихъ младенцевъ, мнящихъ туманной, расплывчатой, ничего не опредѣляющей формулой „право національнаго самоопредѣленія“ разрѣшить щекотливый національный вопросъ.

Если бы обширныя окраины Россіи были населены только такими культурными, исторически-опредѣлившимися народностями съ широко развитой литературой, какъ поляки, нѣмцы, финляндцы, то приведенная выше формула социаль-демократовъ, выкинутая ими меньше двухъ лѣтъ тому назадъ, еще имѣла бы какую нибудь почву подъ собою и какое нибудь общественное значеніе, но и тогда ее слѣдовало бы выразить въ болѣе опредѣленной формѣ, ибо о взаимоотношеніи между національнымъ и государственнымъ языками она не говорить ничего.

На самомъ же дѣлѣ подавляющее большинство живущихъ въ Россіи народностей—крайне малокультурны, обладаютъ такимъ убогимъ историческимъ прошлымъ, которое не можетъ не только подогрѣвать, но и питать національное самосознаніе, не имѣютъ своей литературы, часто не обладаютъ даже своими письменами и нерѣдко утратили даже свой природный языкъ, усвоивъ не только въ общественной, но и въ семейной жизни языкъ преобладающей народности (напр. евреи повсемѣстно и особенно на Кавказѣ, армяне въ грузинскихъ провинціяхъ того-же Кавказа и т. п.).

— Какъ разъ въ такомъ положеніи находится нашъ Туркестанъ. Населяющія его народности говорятъ на разныхъ языкахъ, крайне неразвитыхъ и въ лексическомъ, и въ грамматическомъ отношеніяхъ, или вовсе неимѣющихъ письменной литературы или имѣющихъ самыя жалкіе зародыши ея; употребляемыя ими письмена—арабскія, далеко не приспособленныя къ фонетическимъ особенностямъ ихъ природнаго языка, да и этими письменами владѣютъ очень и очень немногіе счастливцы (даже среди

нишаго духовенства % безграмотности весьма высокъ). Довольно богатая мусульманская литература для нихъ совершенно недоступна, ибо написана на чуждомъ для нихъ арабскомъ языкѣ.

Предположимъ, что правильно организованная школа прочно насадила ереди нашихъ туземцевъ грамотность на родномъ для нихъ языкѣ. Прежде всего она будетъ лишена возможности дать своимъ питомцамъ требуемая отъ народной школы элементарныя познанія по математикѣ, исторіи, географіи и природовѣдѣнію: учебниковъ по этимъ предметамъ нѣтъ, а бѣдность языка для выраженія научныхъ терминовъ и понятій создастъ почти непреодолимыя препятствія къ составленію соотвѣствующихъ учебниковъ.

Затѣмъ, какую практическую цѣнность можетъ имѣть такая грамотность, разъ постигшему ее туземцу полное отсутствіе литературы на его родномъ языкѣ не дастъ возможности самостоятельнымъ чтеніемъ развиваться и расширять кругъ своихъ знаній?

Эти условія создаютъ необходимость въ туркестанской народной школѣ на преподаваніе русскаго языка обратить особенно серьезное вниманіе. Какъ организовать это преподаваніе, по какому методу его вести—вопросъ слишкомъ детальный для газетной статьи, а потому скажемъ лишь, что серьезное вниманіе—не значитъ вниманіе исключительное, а потому обученіе ребенка русскому языку отнюдь не должно производиться въ ущербъ языку материнскому.

Такимъ образомъ, сама жизнь говоритъ, что увлекаться фразой „національное самоопредѣленіе“ не приходится, а надо приложить всѣ старанія къ тому, чтобы достигнуть наиболѣе успѣшной по-

становки преподаванія русскаго языка въ туземной школѣ. Пусть демагоги усматриваютъ въ этомъ руссификацію -- вѣдь ихъ ничѣмъ, даже фактами убѣдить нельзя. ||

Какія же условія нужны, чтобы обезпечить успѣшность преподаванія русскаго языка въ турецко-станской школѣ?

Все наличныя условія жизни сложились такъ, чтобы затруднить отвѣтъ на этотъ вопросъ, имѣющій кардинальное значеніе для нашей школы.

Прежде всего ученикъ-туземецъ русскую рѣчь слышитъ только въ школѣ, гдѣ онъ находится всего 4—5 часовъ въ сутки, а въ долгія вакаціи не имѣетъ никакого общенія со школой и, слѣдовательно, не слыша ни единого русскаго слова, забываетъ все, что съ такимъ большимъ трудомъ пріобрѣлъ въ теченіи учебнаго года. Отсюда ясно, что: во-первыхъ излюбленный типъ одноклассной школы съ трехгодичнымъ курсомъ, и вообще-то признанный неудовлетворительнымъ, для туземной школы совершенно непригоденъ и требуетъ замѣны двухъ—и трехкласснымъ типомъ съ четырехъ и шестигодичнымъ курсомъ, во-вторыхъ—наши каникулы слишкомъ продолжительны и требуютъ если не сокращенія, то хотя бы непродолжительныхъ перерывовъ занятіями въ школѣ; въ-третьихъ обычный порядокъ веденія занятій только въ утренніе часы, слишкомъ мало дающій времени ребенку для общенія со школой, долженъ быть замѣненъ занятіями въ двѣ смѣны.

Намъ скажутъ, что учащіеся лѣтомъ заняты разными хозяйственными работами, что зимній день корстокъ и что сокращеніе каникулъ и занятія въ двѣ смѣны тяжело отразятся на учащихся, сокративъ для нихъ время необходимого отдыха и лишивъ

ихъ возможности пользоваться отпусками.

Но въ хозяйственныхъ работахъ въ теченіе лѣта есть вездѣ нѣсколько періодовъ затишья, которые учащимися безъ ущерба для хозяйства могли бы быть использованы для учебныхъ занятій; если, напр., черезъ каждыя три недѣли отдыха ученики будутъ посвящать одну недѣлю занятіямъ въ школѣ—то рискъ забвенія пройденнаго сведется почти къ нулю.

Зимній день коротокъ всюду, а между тѣмъ и германская, и англійская, и американская школа ведутъ занятія въ двѣ смѣны: отъ 8½ до 11½ и отъ 2½ до 5½ (въ среднихъ, конечно цифрахъ).

Отдыхъ для учителей необходимъ, пожалуй, больше чѣмъ во всякой другой профессіи, ибо вся дѣятельность педагога — чисто нервная, но шесть часовъ занятій съ трехчасовымъ перерывомъ человѣкъ средняго здоровья выдерживаетъ свободно, а если и накапливается нѣкоторая усталость, то она исчезаетъ за каникулы, число которыхъ надо увеличить, сокративъ соотвѣтствующимъ образомъ ихъ продолжительность.

Когда войдетъ въ жизнь правило брать учителей изъ мѣстныхъ аборигеновъ, хорошо знакомыхъ съ мѣстными особенностями быта и природы (а оно должно быть введено и чѣмъ скорѣе—тѣмъ лучше), то трехнедѣльныхъ (приблизительно) перерывовъ въ теченіе лѣта для учителя вполне достаточно, чтобы воспользоваться отпускомъ, тѣмъ болѣе, что другія отрасли труда не даютъ, обыкновенно, и такой привиллегіи.

Да, наконецъ, увеличившійся трудъ педагоговъ будетъ компенсированъ лишнимъ вознагражденіемъ, разъ уже теперь близокъ къ окончательному крушенію тотъ долгое время царившій въ „сфе-

рахъ" взглядъ на учебное дѣло, благодаря которому грошъвая экономія ставилась на первый планъ.

Мы уже отмѣчали, что туземные языки настолько неразвиты лексически и настолько бѣдны литературой, что преподаваніе на нихъ даже начатковъ математики, исторіи, географіи и естествовѣдѣнія—совершенно невыполнимая задача.

Поэтому русскій языкъ въ туркестанской школѣ невольно дѣлается и языкомъ преподаванія. Однако, преувеличивать эту роль, (какъ дѣлается теперь) начиная „преподаваніе“ только что поступившимъ въ школу дѣтямъ на чуждомъ для нихъ языкѣ и совершенно изгоняя родной ихъ языкъ съ классныхъ занятій,—конечно, нецѣлесообразно, да и необходимости въ этомъ нѣтъ, такъ какъ преподаваемая ребенку за первые $1\frac{1}{2}$ —2 года „наука“ настолько элементарна, что неразвитость туземныхъ языковъ ничуть не даетъ себя знать на этихъ первыхъ ступеняхъ обученія.

Лишь съ середины второго года обученія, а то даже и съ начала третьяго (въ зависимости отъ общаго уровня класса), ребенокъ начнетъ получать болѣе серьезныя и болѣе отвлеченныя познанія, для передачи которыхъ туземные языки уже непригодны. Но къ этому времени параллельныя съ занятіями роднымъ языкомъ занятія языкомъ русскимъ уже успѣютъ дать ученику и грамотность на послѣднемъ языкѣ, и лексическій запасъ, вполне достаточный для того, чтобы вести на немъ изученіе ариѳметики, а затѣмъ, въ послѣдующихъ классахъ, геометріи, исторіи, географіи и естествовѣдѣнія.

Третьимъ условіемъ, обеспечивающимъ выполненіе туземной школой ея задачъ, являются цѣ-

лесообразно составленныя программы преподаванія. Въ настоящее время, когда программы составляются въ Питерѣ по одному мертвому шаблону, мы наталкиваемся на такую, напр., нелѣпость: для двухклассныхъ сельскихъ училищъ (типъ—очень симпатичный, но, къ сожалѣнію, мало распространенный) министерская программа считается трудно выполнимой даже въ мѣстностяхъ съ чисто-русскимъ населеніемъ, а между тѣмъ та же самая программа безъ малѣйшихъ отступленій обязательна и для туземныхъ двухклассныхъ школъ Туркестана и Кавказа.

Однако, объемъ министерскихъ программъ, слишкомъ широкій для туземной школы, еще не такъ важенъ, какъ ихъ содержаніе, совершенно неприспособленное къ мѣстнымъ условіямъ, нуждамъ и потребностямъ; скажемъ больше—оно не приспособлено не только къ мѣстной жизни, но и къ жизни вообще: ихъ сухая схоластичность и мертвенность; ихъ стремленіе все и вся подогнать подъ одинъ тенденціозный сдвобокій шаблонъ, убивающій живые запросы ума, ихъ строго оберегаемая неприкосновенность и обязательность,—все это создано для того, чтобы вкусившій школьную премудрость рядовой російскій юноша безболѣзненно превратился въ маринадъ, въ „человѣка въ футлярѣ“, въ сѣренькаго „обывателя“, безвольнаго, бездушнаго, лишеннаго свободной инициативы и далекаго отъ всякихъ высшихъ человѣческихъ проблемъ, особенно социально-политическихъ.

Такіе предметы, какъ ариѳметика и геометрія, могутъ предъявлять требованія къ программамъ лишь въ отношеніи ихъ объема; преподаваніе-же исторіи, географіи и естествовѣдѣнія только тогда достигаетъ цѣли, когда

содержаніе программъ строго о продуманно приспособлено къ мѣстнымъ условіямъ природы и жизни.

Концентрический методъ преподаванія географіи и естествовѣдѣнія, давнымъ-давно принятый педагогикой, и эпизодическій методъ преподаванія начальной исторіи, тоже введенный всюду, дѣлають выработанныя въ Петербургѣ одинаковыя для всѣхъ программы совершенно ненужными.

Въ самомъ дѣлѣ, для мальчика-сирота изученіе ботаники, напр., должно начаться съ разсмотрѣнія шелковицы, а не березы, которой онъ никогда не видѣлъ, а знакомство съ географіей—не съ судоходной рѣки, которыхъ въ его странѣ нѣтъ и въ поминѣ, а съ арыка, какъ отвѣтвленія какой-то пока для него невѣдомой горной или степной рѣки.

Эпизодическій методъ въ исторіи, разсчитанный на возбужденіе чувствъ ребенка, не позволяетъ вниманіе того-же мальчика-сирота останавливать долго на такой личности какъ, напр., Владимиръ-Красное-Солнышко: слишкомъ чужда ему та среда, въ которой жила эта пусть даже крупная личность, а тѣ незримыя нити народнаго эпоса, которыми мы, природные русскіе, связаны съ Владимиромъ, для сирота не существуютъ.

Отсюда вытекаетъ необходимость предоставить учительскому персоналу туземныхъ школъ широкую самостоятельность въ выработкѣ для данной школы наиболѣе приспособленнаго къ мѣстнымъ условіямъ содержанія учебныхъ программъ. А такъ какъ мѣстныя условія одинаковы сплошь и рядомъ для цѣлаго ряда школъ, расположенныхъ въ одной и той же мѣстности, среди одной и той же народности, то коллективнымъ трудомъ учителей такихъ школъ будетъ выработана

программа, неоставляющая желать ничего лучшаго въ отношеніи ея цѣлесообразности. Рядъ такихъ детально выработанныхъ коллективно программъ позволитъ установить и минимальный объемъ преподаванія, обязательный для всей данной мѣстности и соотвѣтствующій задачамъ государства.

Взаимоотношеніе между языками государственными и мѣстными, языкъ преподаванія и приспособленность къ мѣстнымъ условіямъ объема, а главное содержанія учебныхъ программъ—вотъ главнѣйшія особенности, отличающія туземную школу отъ обще-русскаго типа, а потому давно выработанныя и намѣченныя общія мѣры къ подъему народнаго образованія—примѣнимы къ туземной туркестанской школѣ въ одинаковой степени съ чисто русской, и на нихъ я не буду останавливаться.

Попавшій въ мои руки officialный матеріалъ, рисующій до уродливости нелѣпую постановку учебнаго дѣла въ одной изъ областей края, чрезвычайно интересенъ и ознакомить съ нимъ читателя—задача моего слѣдующаго очерка.

(Окончаніе слѣдуетъ).

П. Г.

Къ постановкѣ народнаго образованія въ Туркестанѣ.

Отъ Редаціи. Подъ такимъ заглавіемъ въ газетѣ (см. № № 125 и 127) были помѣщены статьи за подписью П. Г. Официальные докумены, о которыхъ упоминалось въ статьяхъ П. Г., находятся въ редакціи, но за выходомъ изъ состава редакціи П. Г. продолженіе статей по данному вопросу поручено другому сотруднику.

Въ статьяхъ г. П. Г. разбирал-

ся вопросъ о постановкѣ школьнаго дѣла въ Туркестанѣ вообще, мы переходимъ къ разбору положенія школьнаго дѣла въ краѣ.

Какъ извѣстно, въ Туркестанѣ функционируетъ три типа сельскихъ школъ: русскія, русско-туземныя и туземныя. Мы остановимся на вторыхъ, т. е. русско-туземныхъ школахъ, какъ особо важныхъ для края. Русско-туземныя школы должны представлять особый интересъ и какъ разсадники знаній, и какъ средство сближенія русскаго населенія съ туземнымъ, а потому уходъ за этими школами долженъ быть особенно внимательный. Авторитетъ учителя вообще долженъ стоять высоко, чтобы работа учителя была вполне продуктивной. Безъ уваженія со стороны населенія, безъ полной вѣры въ него, учитель не можетъ успѣшно работать. Это общепризнанная истина, извѣстная давно не одному педагогическому міру.

Если это такъ по отношенію къ школѣ вообще, то по отношенію къ туземной школѣ тѣмъ болѣе. Не такъ давно еще туземное населеніе смотрѣло на обученіе дѣтей въ русско-туземной школѣ, какъ на повинность. Въ школу посылались дѣти бѣднѣйшихъ родителей; наблюдалась очередь въ отбываніи этой повинности, а со стороны русской администраціи дѣлались „поощренія“. Положеніе, очевидно, не нормальное, которое обязательно должно быть измѣнено въ томъ смыслѣ, чтобы посѣщеніе школы не являлось отбываніемъ повинности, а вызывалось сознаніемъ пользы обученія.

Такое положеніе можетъ создаться только тогда, когда учитель русско-туземной школы будетъ пользоваться уваженіемъ и полнымъ довѣріемъ населенія.

Само собою разумѣется, что

для учителя возможно заслужить довѣріе и уваженіе туземнаго населенія только в томъ случаѣ, если всякаго рода администраторы будутъ проявлять къ учителю и уваженіе и довѣріе. Къ сожалѣнію, мы видимъ совершенно обратное. Въ погонѣ за крамолою, или просто благодаря полицейско-бюрократическимъ взглядамъ, администрація нерѣдко демонстративно третируетъ учителей, подрывая тѣмъ самымъ и авторитетъ учителя и вѣру въ плодотворность учительской дѣятельности.

Чтобы не быть голословными, приведемъ факты изъ жизни учителей по Ферганской области. По причинамъ, извѣстнымъ одному Аллаху, въ этой области установился порядокъ, при которомъ участковый приставъ является лицомъ, отъ котораго зависитъ иногда вся судьба учителя. Такъ, учитель Яни-Курганской школы г. Шалутинъ былъ переведенъ на должность помощника завѣдующаго школой только потому, что участковый приставъ сдѣлалъ на него доносъ. Приставъ донесъ уѣздному начальнику, уѣздный начальникъ — ферганскому губернатору, губернаторъ „предложилъ“ инспектору убрать учителя, и въ результатѣ г. Шалутинъ оказался переведеннымъ. Не требовалось не только слѣдствія, но даже простого дознанія. Получается впечатлѣніе, что приставъ участковый перевелъ, или вѣрнѣе — смѣтилъ учителя, т. к. кромѣ доноса, который выражалъ несомнѣнное желаніе пристава убрать учителя, ничего не было предпринято для провѣрки обстоятельствъ дѣла. Копія съ этого любопытнаго документа имѣется у насъ. Доносъ имѣетъ характеръ чисто школьныхъ разоблаченій, а это показываетъ, что приставъ весьма причастенъ къ

школьному дѣлу, является фактически ближайшимъ начальствомъ учителя, т. е. вѣдаетъ тѣ сферы, въ которыхъ едва-ли, даже съ натяжкой, можетъ быть признанъ компетентнымъ. Ближайшее начальство (de jure) учителя, это училищная инспекція, de facto ближайшимъ начальникомъ является полицейскій чиновникъ, а инспекція органомъ исполнительнымъ въ рукахъ администраціи.

Приводить подробно пункты, по которымъ приставъ обвиняетъ учителя. или, что тоже пункты доноса, мы не станемъ, т. к. дѣло не въ пунктахъ, а въ фактѣ, что учитель смѣщается по желанію пристава безъ всякихъ разговоровъ, безъ, даже, отобранія отъ учителя объясненій по поводу взводимыхъ на него проступковъ.

Здѣсь мы оговоримся. Случаи, когда разнаго рода мелкіе администраторы являются виновниками злослукіеній учителя, въ русской жизни далеко не рѣдкость, но случаи эти обыкновенно являются исключительными, т. к. все же фактически начальствомъ учителя всегда является инспекція, училищный совѣтъ (въ земствѣ), наблюдатель школъ (въ церк.-приход. школахъ), т. е. лица, специально къ тому приставленные. По крайней мѣрѣ до сихъ поръ намъ неизвѣстно такогo края, или области, гдѣ участковый приставъ считался-бы компетентнымъ разбираться въ школьномъ дѣлѣ и указывать причины плохихъ успѣховъ. Исключеніе составляетъ Ферганская область.

Предъ нами докладная записка группы учителей Ферганской области Наманганскаго уѣзда на имя г. инспектора народныхъ училищъ Туркестанскаго края и раіона, Доведенная до крайности

учителя не вынесли своего положенія и пожелали громко выразить протестъ. Выражая желаніе „улучшить порядокъ распоряженія шгольными кредитами и точно опредѣлить отношенія администраціи къ учебному дѣлу“, учителя въ своей докладной запискѣ, между прочимъ, пишутъ:

„Въ настоящее время распоряженіе школьными кредитами находится въ рукахъ начальника Наманганскаго уѣзда г. Іессена. Онъ почему-то думаетъ, что съ обязанностями распорядителя кредитомъ связаны и полицейскія обязанности, и начальническія права, позволяющія третировать учителей, отпускать или удерживать ихъ жалованье и авансы, вызывать учителей съ мѣстъ ихъ служенія для объясненій, производить надъ ними разслѣдованія и т. п.“.

Дальше приводятся факты, какъ учителямъ приходится, теряя учебное время, ѣздить по 2—3 раза въ Наманганъ за получкой жалованья, причемъ на поѣздки эти изъ своихъ жалкихъ грошей учителю приходится расходовать отъ 15 до 25 руб., смотря по разстоянію и времени года. Какъ учителямъ урѣзывается авансъ на содержаніе интерната: вмѣсто 75 руб. выдается 25 руб., вмѣсто 63 р.—43 р., причемъ это урѣзваніе сопряжено бываетъ съ лишней поѣздкой учителя за его собственный счетъ. Какъ авансы затребованные въ ноябрѣ, удовлетворяются въ апрѣлѣ слѣдующаго года, т. е. черезъ пять мѣсяцевъ.

Какія мытарства приходится испытывать учителямъ, достаточно характеризуетъ рассказъ учителя Ярѣ-Курганской школы г. Васильева. Рассказъ этотъ помещенъ цѣликомъ въ докладной запискѣ. Вотъ его содержаніе:

„Шлю въ управленіе счетъ съ просьбой о выдачѣ новаго аванса на содержаніе интерната. Буду

черезъ шесть дней за деньгами; мнѣ отвѣчаютъ, что ассигновка еще не готова. Прошу повториться. Около 12 часовъ ассигновка поступила на подпись начальника уѣзда. Въ часъ дня заявили, что начальникъ уѣзда ушелъ. Въ этотъ день ассигновки не получилъ. Остаюсь въ городѣ на второй день. Прихожу пораньше. Говорятъ, что ассигновка не подписана, начальникъ уѣзда халъ въ г. Нов.-Маргеланъ, помощникъ его—по уѣзду, а оставшійся за нихъ приставъ не можетъ подписать. Затѣмъ сообщаютъ, что помощникъ навѣрно къ вечеру вернется. Остаюсь третій день. Прихожу въ канцелярію, сообщаютъ, что власти еще не вернулись. Ёду въ школу, предварительно занявъ у пристава 10 руб., прожитые мною за три дня въ ожиданіи подписи ассигновки. Пріѣзжаю черезъ два дня, беру талонъ и иду въ казначейство. Тамъ денегъ не выдаютъ, потому что ассигновка только что получена. Наконецъ на другой день, по стету тринадцатый послѣ перваго требованія, получаю деньги, для которыхъ пришлось израсходовать 15 руб. и потерять 6 учебныхъ дней“.

Учителю чуетской школы выдано было жалованье не полностью. На запросъ, почему сдѣлано удержаніе, полученъ былъ отвѣтъ, что весь кредитъ израсходованъ правильно, между тѣмъ по провѣркѣ оказалось, что на рукахъ у начальника уѣзда еще имѣются деньги.

Учителямъ Садыкову и Айзуну передъ Пасхой заявили: „такъ какъ вы не русскіе и это не вашъ праздникъ, то вы не можете пользоваться льготой на полученіе жалованья ранѣе 20-го числа, какъ русскіе“.

Характернымъ является слѣдующее мѣсто въ докладной за-

пискѣ. „За время управленія Наманганскимъ уѣздомъ г. Иссе-номъ были открыты пять школъ, съ количествомъ не менѣе 40 учениковъ въ каждой. Къ концу же перваго мѣсяца учителя остались почти съ одними интернами, т. к. ученики, нагнанные административнымъ порядкомъ и нанятые за плату отъ общества, разбѣжались. (Яръ-курганская, Тюра-курганская, Чусткая и Янги-курганская русск.-туз. школы“).

Матеріальное положеніе школъ такъ рисуется въ докладной запискѣ. „Школьные хозяйства находятся въ самомъ плачевномъ состояніи. Интерны бываютъ одѣты зимой въ лѣтнюю одежду, а лѣтомъ ходятъ въ мѣховыхъ шапкахъ и ватныхъ бешметахъ. Спать имъ приходится на голыхъ доскахъ по нѣсколькимъ мѣсяцевъ. Школьные зданія, влѣдствіе несвоевременнаго ремонта и неокончанія его, рушатся. Учителя по какимъ-то соображеніямъ не допускаются къ составленію смѣтъ и участію въ ремонтахъ. Самые акты о ремонтахъ составляются келейно въ канцеляріи начальника уѣзда. Слѣдствіемъ такого отношенія къ дѣлу... является то, что крыши школьныхъ зданій текутъ, окна и двери не затворяются, печи дымятъ, а на плитахъ невозможно готовить“.

Эта докладная записка написана была въ іюнѣ 1905 года, но начались зловключенія учителей, подобныя изложеннымъ, значительно раньше и, что печальнѣе всего, продолжаютъ до сего времени. //

Какъ можно усмотрѣть изъ докладной, и, вообще, изъ имѣющейся у насъ переписки, уѣздная и участковая администрація не уполномочена вмѣшиваться въ школьныя дѣла. Однако, являясь распорядителями школьныхъ кредитовъ, администраторы создали сами положеніе, при кото-

ромъ учитель находится въ болѣе-шей зависимости не только отъ уѣзднаго начальника, но даже отъ участковаго пристава. Эта зависимость, безцѣльно угнетая однихъ, даетъ возможность другимъ чувствовать въ себѣ силу, и злоупотреблять этой силой. Какъ чувствуетъ себя администрація уѣзда по отношенію къ учителямъ, достаточно характеризуетъ слѣдующій случай. Приставъ Лебедевъ, чрезъ канцелярію котораго проходитъ корреспонденція, адресованная на имя учителя, систематически вскрываетъ казенные пакеты, адресованные на имя учителя. Послѣ нѣсколькихъ случаевъ такого вскрытія пакетовъ возмущенный учитель, наконецъ, отказался расписываться въ полученіи вскрытыхъ пакетовъ. Это было единственное средство, имѣвшееся въ рукахъ учителя, которое и было использовано для выраженія протеста. Однако поступокъ учителя послужилъ только случаемъ, чтобы обвинить пострадавшаго-же учителя. Такъ, въ донесеніи своемъ отъ 23 декабря 1906 года за № 1290, поданномъ на имя начальника Наманганскаго уѣзда, приставъ между прочимъ пишетъ.

„Въ посланныхъ ему въ послѣдній разъ такихъ (распечатанныхъ) бумагахъ онъ не расписался въ разносной книгѣ. Я усмотрѣлъ это и послалъ къ нему джигита съ разносной книгой, прося его учинить расписку, но онъ все-таки не расписался. Тогда я послалъ къ нему переводчика съ той-же просьбой, но онъ съ переводчикомъ не сталъ и говорить, сказалъ, что онъ можетъ говорить только лично съ приставомъ. Тогда я черезъ нѣсколько времени пошелъ самъ и спросилъ его, — почему онъ не расписывается въ тѣхъ бумагахъ. Мнѣ онъ отвѣтилъ, что пусть расписывается

тотъ, кто ихъ вскрылъ“.

Этотъ пунктъ стоитъ въ числѣ другихъ пунктовъ, по которымъ приставъ въ своемъ донесеніи обвиняетъ учителя. Характерное отношеніе полиціи къ учителямъ: что приставъ систематически вскрываетъ пакеты учителя—это ничего, а что учитель, доведенный до крайности и не видя другого способа борьбы, отказывается расписаться въ полученіи вскрытыхъ пакетовъ—это проступокъ, о которомъ даже до свѣдѣнія начальства доводится. Но интереснѣе всего то, что и послѣ инцидента съ «распиской въ книгѣ», очевидно, пакеты продолжали вскрываться, т. к. отношеніемъ уже отъ 24 марта 1907 года за № 50 учитель пишетъ начальнику Наманганскаго уѣзда.

„Это по счету десятое вскрытіе адресованной мнѣ казенной корреспонденціи и когда будетъ конецъ этимъ крайне для меня нежелательнымъ ошибкамъ“.

Ясно, что для г. пристава казенная переписка учителя не является *чужой* корреспонденціей, а это показываетъ достаточно ясно, что на учителя уѣздная полиція смотритъ, какъ на мелкую, подчиненную полиціи, сошку, которая протестовать не имѣетъ права.

Неоднократныя жалобы учителей вызвали появленіе на свѣтъ правилъ „о порядкѣ отпуска средствъ на содержаніе училищъ и школъ“... въ районѣ Туркестанскаго генераль губернаторства. Пунктъ 1-ый правилъ гласитъ, что „все кредиты на содержаніе училищъ и школъ изъ казны или земскихъ средствъ съ 1906 года сосредоточиваются въ вѣдѣніи директора и инспекторовъ народныхъ училищъ“, а пунктъ 4-ый гласитъ, что „уѣздные начальники, или лица, ими уполномоченныя, получивъ по талонамъ ассигновокъ деньги, принимаютъ мѣры къ не-

медленной разсылки ихъ чрезъ должностныхъ или другихъ благонадежныхъ лицъ въ подлежащія училища и школы"... Въ пунктѣ шестомъ правилъ говорится, что вводятся они для того, чтобы „учителя и учительницы въ учебное время не отлучались изъ мѣстъ службы за получениемъ содержанія“.

Какъ явствуетъ изъ правилъ, распорядителемъ кредита является училищная инспекція, а гг. уѣздные начальники должны служить передаточной инстанціей, не больше, чтобы избавить учителей отъ ненужной траты времени на поѣздки.

Сдѣлано было именно то, о чемъ учителя сначала единолично, а потомъ корпоративно (въ докладной запискѣ) усиленно ходатайствовали. Правила эти изданы были 9-го февраля 1906 г. и въ № 26 „Туркест. Вѣд.“ за тотъ же годъ опубликованы во всеобщее свѣдѣніе.

По здравому смыслу съ изданиемъ правилъ должны были прекратиться всѣ недоразумѣнія между учителями и уѣздной администраціей, т. к. уничтожалась зависимость матеріальная учителей отъ уѣздной администрации. На дѣлѣ вышло иначе. Такъ, въ октябрѣ того же 1906 года учитель Чутской русско-туземной школы вынужденъ былъ телеграфировать инспектору: „Средствъ содержанія интерната не высылаютъ третій мѣсяцъ; прошу разрѣшенія распустить интернатъ. Учитель Булдашевъ“. На телеграмму эту предписаніемъ отъ 4 октября 1906 г. за № 1657 инспекторъ народныхъ училищъ распорядился „временно приостановить довольствіе интерновъ“, т. е., другими словами, закрыть интернатъ. Короче говоря, положеніе школъ и заключенія учителей не измѣнились, что вынудило учителей Наманганскаго уѣзда, собравшись

4 марта 1907 года, составить докладную записку на имя Туркестанскаго генералъ-губернатора, въ которой, между прочимъ, говорится. „Намѣреніе наше обратиться непосредственно къ Вашему Высокопревосходительству вызвано самой крайней необходимостью и тѣми беспорядками, которые изложены въ копіяхъ переписки и нежеланіемъ начальника Наманганскаго уѣзда г. Лесенъ о переводѣ земскихъ суммъ на содержаніе школъ, вопреки изданнымъ и утвержденнымъ 9 февраля 1906 года правиламъ, въ вѣдѣніе инспекціи, вѣдѣніе чего въ нѣкоторыхъ школахъ наблюдается крайній беспорядокъ. Сами-же учителя, по причинѣ несвоевременнаго ассигнованія денегъ и произвольнаго устраненія ихъ отъ завѣдыванія, лишены возможности поддерживать школы въ благоустроенномъ видѣ, соблюдать внѣшній и внутренній порядокъ и устранять всѣ тѣ обстоятельства, которыя препятствуютъ правильному ходу учебныхъ занятій“.

Въ заключеніе учителя просятъ „указать точныя отношенія Наманганской уѣздной администрации къ школамъ, ся права и обязанности къ нимъ“.

По нѣкоторымъ обстоятельствамъ подача этой докладной записки была отложена и учителя чрезъ своихъ уполномоченныхъ снова обратились къ своему непосредственному начальству — къ училищной инспекціи, но перемѣны въ жизни русско-туземныхъ школъ пока не произошло никакой.

Такимъ образомъ, вызванная массой недоразумѣній правила не осуществлены. Г. Лесенъ оказался сильнѣе и училищной инспекціи и высшей администраціи. Получается нѣчто абсурдное, но это абсурдное продолжаетъ существовать въ жизни школъ края. Слу-

чаи, когда уѣздная администрація является вершителемъ судебъ учительскаго персонала, слишкомъ обычны. Въ краѣ, и въ частности въ Ферганской области, только въ рѣдкихъ случаяхъ учителя держатся на одномъ мѣстѣ до пяти лѣтъ, да и то только въ томъ случаѣ, когда учитель *живетъ дружно* съ приставами разной величины. Не рѣдко бываетъ, что срѣзъ службы учителя на одномъ мѣстѣ ограничивается годомъ, а иногда и меньше, причемъ переводъ учителя зависитъ почти всецѣло отъ „усмотрѣнія“ мѣстной администраціи, въ рукахъ которой, такимъ образомъ, инспекція уже является властью исполнительной, т. к. *отстоятъ* учителя, если, напр., уѣздный начальникъ пожелаетъ его убрать, инспекція безсильна. Этому есть

доказательства, да это и не составляетъ секретъ въ тѣхъ сферахъ, какія вѣдаютъ школьныя дѣла.

Мы уже указывали, что по донесенію пристава учитель увольняется безъ суда и слѣдствія, а донесенія эти подкрѣпляются „документами“, которые пишутся туземной администраціей *по словесному распоряженію* того-же пристава. Цѣна, какъ и цѣль, этихъ „документовъ“ весьма понятна. Мы упоминаемъ объ этомъ только для того, чтобы отмѣтить способы, которыми мѣстная администрація пользуется для устранения неугодныхъ учителей.

Уходъ учителей со службы, вызванный частыми безпричинными перемѣщеніями, далеко не рѣдкость, а это тоже достаточно характеризуетъ о ненормальной постановкѣ школьнаго дѣла въ краѣ.

Положеніе учителя, созданное волею мелкой администраціи, служить основательной причиной для бѣгства учителя. Послѣ-

дніе, впрочемъ, не всегда имѣютъ возможность перемѣтить роль занятій и тогда создается уже совсѣмъ плачевное положеніе. Такъ, напр., не далѣе какъ 4 августа одинъ изъ учителей поѣхалъ въ Ташкентъ въ городскую больницу свою семью, состоящую изъ жены и двухъ дѣтей.

Преслѣдуемый уѣздной администраціей, учитель этотъ, послѣ нѣсколькихъ „перемѣщеній“, оказался вынужденнымъ, впредь до назначенія на соотвѣтствующее мѣсто, проживать въ Ташкентѣ на 20 руб. съ копѣйками въ мѣсяцъ. Мы не беремся утверждать, но есть полное основаніе думать, что причины, въ конечномъ результатѣ которыхъ явилось помѣщеніе семьи въ больницу, создались на почвѣ недоѣданія.

Такъ, или иначе, а очевидность ненормальной постановки дѣла въ русско-туземныхъ школахъ края не подлежитъ сомнѣнію. Само собою разумѣется, что во всей этой русско-туземной безтолковщинѣ являются страдательнымъ элементомъ главнымъ образомъ школы, т. е. именно тотъ элементъ, на который должно быть обращено особенное вниманіе всѣхъ, власть имѣющихъ.

Исторія народнаго образованія въ Россіи весьма поучительна. Недовѣріе населенія къ правительственной школѣ, отношеніе къ министерскимъ школамъ, какъ къ „барской затѣѣ“, все это достаточно ясно показало, что насажденіе школъ требуетъ особеннаго вниманія. Если это такъ среди коренного русскаго населенія, то въ школахъ русско-туземныхъ тѣмъ болѣе нужно быть внимательными къ вопросамъ, касающимся школьныхъ дѣлъ. Школы должны играть роль связующаго элемента между туземнымъ населеніемъ и

коренной Россіей, но для этого, они, школы, должны прежде всего быть популярными среди туземнаго населенія.

Конечно, не можетъ быть рѣчи о популярности школы тамъ, гдѣ изъ школъ создается яблоко раздора между учительскимъ персоналомъ и приставами разной величины. Нельзя требовать, чтобы туземное населеніе уважало учрежденіе, къ которому русская администрація относится безъ наималѣйшаго уваженія.

Въ этомъ, т. е. въ отсутствіи должнаго вниманія къ русско-туземной школѣ со стороны лицъ, власть имѣющихъ, кроется первоисточникъ такихъ ненормальныхъ явленій, какъ посылка дѣтей въ школу „за плату отъ общества“, посѣщеніе школы дѣтьми подъ вліяніемъ „административнаго воздѣйствія“ и т. п.

Удаленіе всѣхъ этихъ ненормальностей должно составить первоочередную задачу тѣхъ, кто вѣдаетъ школьными дѣлами края. Однако достиженіе лучшей постановки школьнаго дѣла возможно будетъ только при условіи, когда и уѣздная и всякая иная администрація будетъ устранена отъ самой возможности вліять на дѣла школы и вся власть, какъ надъ учащими и учащимися, такъ и надъ школьными кредитами будетъ сосредоточена въ рукахъ инспекціи. Мы сказали-бы, что все школьное дѣло по праву должно быть въ рукахъ мѣстнаго общества, но пока въ краѣ не введены органы общественнаго самоуправленія, хотя-бы, въ видѣ земствъ, объ этомъ не можетъ быть рѣчи, а потому ближайшее, что слѣдуетъ дѣлать—это сосредоточить власть надъ школами въ рукахъ инспекціи.

Вѣдая школьными дѣлами одна, училищная инспекція, такимъ образомъ, будетъ и одна отвѣт-

ственна за школы, какъ предъ высшей администраціей края, такъ и предъ общественнымъ мнѣніемъ. Въ задачи статьи не входитъ указаніе дефектовъ по учебной части русско-туземныхъ школъ, но что эти дефекты есть, въ этомъ сомнѣваться нельзя, т. к. слишкомъ много при настоящемъ положеніи дѣлъ факторовъ, которые могутъ порождать только дефекты. Къ числу такихъ факторовъ на первую очередь должно быть поставлено третируваніе учителей уѣздной администраціей.

Огромное значеніе имѣетъ также несвоевременный отпускъ средствъ какъ на содержаніе школъ, такъ и въ жалованье учителямъ. Что все это теперь имѣетъ мѣсто, достаточно показываетъ содержаніе переписки. Выдержки изъ которой мы приводили въ предъидущихъ статьяхъ. Устранивъ факторовъ, вредно вліяющихъ на ходъ школьнаго дѣла, училищная инспекція будетъ имѣть возможность предъявить болѣе строгія требованія къ учителямъ, гдѣ это окажется нужнымъ по чисто учебной части. Да и сами учителя, избавленные отъ необходимости видѣть своихъ школьниковъ „зимой въ лѣтнихъ костюмахъ, а лѣтомъ въ мѣховыхъ шапкахъ и теплыхъ бешметахъ“, будутъ имѣть значительно больше возможности внимательно отнестись къ учебной части школы.

Считаемъ нужнымъ оговориться. Мы сейчасъ совѣмъ не склонны ставить хотя-бы частично въ вину учителямъ слабость школьныхъ успѣховъ. Да и само начальство (инспекція), увольняя и перемѣщая учителей, далеко не склонно въ то же время считать ихъ плохими педагогами. По крайней мѣрѣ есть примѣры, когда инспекція, выдавъ награду за усердное и умѣлое веденіе дѣла,

переводила потомъ учителя на худшее мѣсто только потому, что такъ угодно было администраціи, а не потому, чтобы учитель оказался плохимъ. Не считая учителей русско-туземныхъ школъ совершенствомъ и даже допуская, что среди учителей есть люди, не способные хорошо выполнить принятое на себя обязательство, мы все-же утверждаемъ, что при настоящемъ положеніи дѣлъ все дефекты въ школахъ должны бытъ отнесены за счетъ неправильной постановки школьнаго дѣла въ краѣ вообще. Это дастъ увѣренность, что реорганизація школьнаго дѣла, въ смыслѣ устраненія отъ зевѣдыванія школьными дѣлами большихъ и малыхъ приставовъ и уѣздныхъ начальниковъ, принесетъ громадную пользу школьному дѣлу.

Сдѣлавшись настоящими разсадниками знаній, школы въ то же время могутъ сблизить коренное туземное населеніе съ пришлымъ русскимъ, а это можетъ быть только желательнымъ какъ для патріотовъ въ ковычкахъ, такъ и для патріотовъ безъ ковычекъ.

Въ заключеніе не можемъ не высказать пожеланія, чтобы въ краѣ какъ можно скорѣе были введены органы общественнаго самоуправленія, т. е. полное процвѣтаніе школъ, а слѣдовательно и развитіе народнаго образованія, возможно только при условіи, когда школьное дѣло будетъ находиться всецѣло въ рукахъ мѣстнаго общества, а не въ рукахъ приставовъ разной величины.

В. П.

Къ вопросу о медицинской помощи въ закаспійской области.

Въ закаспійской области вообще медицинская помощь туземному населенію оказывается въ очень слабой степени. Что извѣстно большаго стѣну закаспійскихъ обывателей, сколько набудь интересующихся жизнью края.

Туземцы въ этомъ отношеніи обходятся главнымъ образомъ услугами своихъ знахарей и знахарокъ: большаго числа ауловъ видать врача или фельдшера въ исключительныхъ случаяхъ. Что бы нагляднѣе судить о томъ, въ какой мѣрѣ удовлетворяется населеніе медицинскою помощью—для примѣра остановимся на районѣ каракалинскаго и дурунскаго приставствъ.

Въ первомъ, на населеніе около 17000 душъ, разбросанное на пространствѣ въ 16000 кв. верстъ—имѣется одинъ фельдшерскій пунктъ—въ урѣдленіи Каракала. Врачебная помощь оказывается въ мѣстѣ резиденціи фельдшера и только тѣмъ туркменамъ, которые являются сюда сами изъ своихъ ауловъ (расстояніе въ которыхъ 20, 30, 40 и болѣе верстъ). Огромная же масса туземцевъ остается безъ врачебной помощи. Между тѣмъ, число нуждающихся въ ней должно быть велико, если судить только по количеству больныхъ, обращающихся на фельдшерскій пунктъ за годъ, и болѣзни, по характеру своему, крайне разнообразны. Такъ за 1906 г. больныхъ на пунктѣ зарегистрировано 1664, сдѣлавшихъ 1911 посѣщеній.

Въ этомъ числѣ собственно туркменъ около 90 %. Преимущественная болѣзнь—малярія (411) а за-